

**МЕФДИЙ
БУСЛАЕВ**

В СЕРИЮ ВХОДЯТ:

МАГ ПОЛУНОЧИ

СВИТОК ЖЕЛАНИЙ

ТРЕТИЙ ВСАДНИК МРАКА

БИЛЕТ НА ЛЫСУЮ ГОРУ

МЕСТЬ ВАЛЬКИРИЙ

ТАЙНАЯ МАГИЯ ДЕПРЕСНЯКА

ЛЕД И ПЛАМЯ ТАРТАРА

ПЕРВЫЙ ЭЙДОС

СВЕТЛЫЕ КРЫЛЬЯ ДЛЯ
ТЕМНОГО СТРАЖА

ЛЕСТНИЦА В ЭДЕМ

КАРТА ХАОСА

ОЖЕРЕЛЬЕ ДРИАДЫ

СТЕКЛЯННЫЙ СТРАЖ

ТАНЕЦ МЕЧА

ОГНЕННЫЕ ВРАТА

КНИГА СЕМИ ДОРОГ

ЛАДЬЯ СВЕТА

ОШИБКА ГРИФОНА

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФРОДИЙ БУСЛАЕВ

ОШИБКА ГРИФОНА

Художник А. ДУБОВИК

МОСКВА

2015

ЭКСМО

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Е60

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Иллюстрация *Анатолия Дубовика*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Мефодий Буслаев. Ошибка грифона : [повесть] / Дмитрий Емец ; худож. А. Дубовик. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с. — (Мефодий Буслаев).

ISBN 978-5-699-77384-8

В Эдеме произошло непоправимое — по вине Буслаева один из двух последних грифонов сбежал в человеческий мир. Об этом тут же стало известно Мраку, и теперь магическое животное преследуют члены древнего темного ордена: охотники за глазами драконов. Если им удастся заполучить грифона, защита Света ослабнет навсегда и что тогда произойдет, не знает никто. Мефодий и Дафна должны во что бы то ни стало вернуть беглеца или найти ему замену. И единственный, кто мог бы им помочь, это Арей, вот только он уже давно мертв... Мефу придется спуститься в глубины Тартара и отыскать дух учителя, но возможно ли это? Особенно сейчас, когда сам Мефодий стал златокрылым? Ничуть не легче Ирке. Ей необходимо найти преемницу валькирии ледяного копья. И самая подходящая кандидатура — Прасковья, бывшая наследница Мрака, неуравновешенная и неуправляемая. Как же Ирке ее уговорить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Емец Д., 2015

© Оформление.

ISBN 978-5-699-77384-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

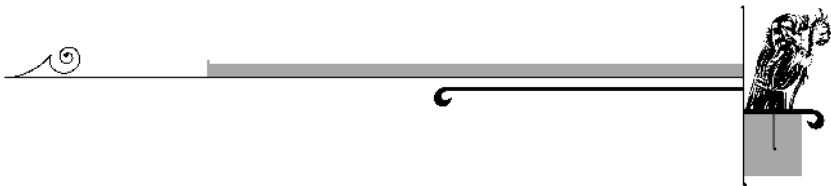

Этот человек имел отношение к науке о растениях и знал много разных вещей. Знал, например, что есть такое понятие: спящая почка. У яблони ее не видно, но садовник умелой обрезкой дерева может заставить ее пробудиться, и тогда на гладком месте вдруг выстреливает новый побег. Старый знакомый (...) однажды сказал ему, что и у человека бывает что-то похожее на это явление. Ты можешь прожить долгую жизнь и даже отойти в лучший мир, так и не узнав, кто ты — подлец или герой. А все потому, что твоя жизнь так складывается — не посылает она испытаний, которые загнали бы тебя в железную трубу, где есть только два выхода — вперед или назад. Но может и послать.

Владимир Дудинцев.
«Белые одежды»

Я назвал это чувство радостью, и это научный термин, который нельзя отождествлять со счастьем и удовольствием. У моей радости есть с ними одно общее свойство — каждый, кто их испытал, хочет их вернуть. Сама по себе радость скорее похожа на особую печаль, но это именно те муки, которых мы жаждем. Несомненно, каждый, кто их испытал, не променял бы их на все удовольствия мира. Удовольствия, как правило, в нашем распоряжении; радость нам неподвластна.

Клайв Стейплз Льюис

Глава первая

ЮНОСТЬ МЕЧНИКА

— Почему свет не говорит с людьми каждодневно, каждую секунду, каждое мгновение нашей жизни? Мы бы так этого хотели: слышать его, быть всегда с ним!

— Мы только притворяемся, что хотели бы. Мы очень быстро перестали бы его слушать! Мы фыркали бы на свет, как фыркаем на родителей, отворачивались бы, притворялись глухими. А это был бы даже не абсолютный тупик, а даже не знаю как назвать. Хуже тупика.

Бэтла и Гелата
(из диалога)

Арей сидел на берегу быстрой предгорной реки и смотрел на свое отражение. Река вздрагивала от скрытой силы. Сотрясала камни на дне. Вода непрерывно сменялась, и Арею казалось: она одно за другим уносит его отражения, а на месте унесенных рождаются новые.

Арей зачерпнул воды ладонью. Стал пить. Потом, бросившись на живот, окунул в реку голову и раскинул руки. Река шевелила его, сдвигала, пыталась унести с собой. Арей лежал и смеялся в воду,

пока не закончился воздух. Тогда он встал и выбрался на берег.

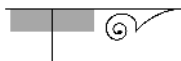
Арей был изящен и тонок. Маленькая бородка. Небольшие усики. На голове — короткий ежик волос. За спиной у Арея вздымались огромные крылья. Он не любил убирать их, как другие стражи. Никакой дематериализации! Если у тебя есть крылья, зачем их прятать? К тому же от частых дематериализаций перья портятся, как волосы от частого мытья.

Давая крыльям обсохнуть, Арей взмахнул ими, и река пошла рябью от сотен сорвавшихся с перьев капель. Раскинув крылья, он встал по ветру. Стоять с распахнутыми крыльями было непросто. Он постоянно чувствовал тугое давление воздуха, сбивавшее его с ног. Попытался дотянуться до ствола молодой ивы, но сильный порыв ветра толкнул его в грудь, и, чтобы не упасть, Арей взлетел.

Набрал высоту. Понесся к реке, сделал у воды «бочку», затем «змейку» и дальше уже летел без фигур, изредка снижаясь, чтобы зачерпнуть ладонью воды. Легок и стремителен был его полет. Не задуваемая, Арей повторял все изгибы реки, легко уходя от столкновения с наклоненными деревьями.

Сияло солнце. Река, разбиваясь о выступающие камни, обдавала Арея брызгами. Крылья надежно опирались о воздух. Чувствовали все его потоки, ловили малейшие случайные ветерки, налетающие с берегов, сверху и снизу, и либо использовали их, либо, уклоняясь, позволяли им безобидно скользить по перьям.

Но тревога все равно грызла Арея. Он не чувствовал себя таким же счастливым, как в Эдеме. Не мог

летать столь же безмятежно. Не испытывал больше той незримой любви и защиты, которые прежде постоянно были с ним и которых он раньше совсем не ценил.

Теперь Арей был сиротой. Но не несчастным сироткой, а сиротой, добровольно бросившим своего отца и рассекшим связывающую их пуповину...

Впереди показался утес. Огромный, черный, нависающий над рекой. Сдавливал, преграждал русло. Пропускал под собой бурлящую, негодующую реку. Арей развернул крылья параллельно земле, на мгновение почти встав на воду, затем вскинул их над головой, несколько раз с силой взмахнул и — опустил на утес. Здесь он сел и, повернув голову, стал рассматривать свои крылья.

Его волновали даже не темные перья, которых теперь было больше половины. Темные перья появлялись у Арея и прежде, еще в Эдеме. Порой они темнели, затем, когда он разбирался, где допустил ошибку и исправлялся, опять светлели. Перья были как зеркало, позволявшее взглянуть на свое внутреннее состояние со стороны.

Ладно! Темные перья, и темные! Копаться в себе Арей никогда особо не любил. Он не Троил, в конце концов, который наказывает себя за малейшую душевную слабость и из любой черной точки на кончике пера устраивает трагедию. Черные перья, или серые, или белые! Какая, в конце концов, разница! Крылья должны обеспечивать полет, и все! На скорость цвет не влияет! А летает Арей лучше Троила! Лучшие их всех!!!

Арей подумал об этом, и остатки хорошего на-

строения смялись как подгнившая груша, на которую наступили сапогом. **Летает или летал?** В последние недели в крыльях возникла какая-то онемелость. Каждое утро, просыпаясь, он чувствовал то, что чувствует человек, отлежавший во сне руку. Приходилось долго разрабатывать крылья и много летать, прежде чем контроль над ними восстанавливался.

— Что ты тут делаешь? — внезапно раздался голос за спиной у Арея.

Даже не оборачиваясь, Арей узнал Лигула. У него был неприятный, стеклянный какой-то голосок. Вроде бы и ласковый, и участливый, но ужасно противный. Арей любил искренних стражей, у которых всякое слово равно чувству. Хорошо стражу — хохочет. Плохо — огрызается, забивается в угол. Пусть даже кричит, ругается, но не хитрит и не выдавливает улыбку.

С Лигулом все было иначе. Он обволакивал, втискивался в душу. Расспрашивал, всегда узнавал подробности и никогда ничего не забывал. Любил подружиться, а потом предать. Причем и дружил, кажется, искренне, и предавал искренне. Все это у него как-то сочеталось.

Арей иногда думал о Лигуле и удивлялся, как много подлости в нем уместается. Бездна подлости. Океан. Но раз столько подлости, значит, столько же было в нем в момент творения чистоты, искренности, радости. Потому что для подлости тоже нужна глубина, а глубина всегда задается изначально.

Сейчас же с Лигулом вообще нереально было общаться. Стоило, положим, Арею случайно упомя-

нуть при нем, что у него паршивое настроение, как Лигул сразу выкатывал глазки и хватал его за руку:

— Ах! Ты устал! Ах! Ты заболел!

Проходил день или два. Арей уже успевал забыть, что когда-то там жаловался на настроение, но Лигул помнил. И при случае будто случайно заявлял Кводнону:

— Арей хочет вернуться к свету!

Кводнон вздрагивал и, поворачиваясь, пристально смотрел на Арея:

— Ты хочешь вернуться? Арей, почему?

— Куда вернуться? Я ничего такого не говорил, — торопливо возражал Арей.

— Ну Арей, ты же говорил, что у тебя скверно на душе? Говорил или нет? Вот я и подумал, что ты скучаешь без света, — пищал Лигул.

Кводнон больше не слушал Лигула. Про Лигула он давно все знал и едва ли заблуждался на его счет. Он смотрел на Арея. Арей же старался не смотреть на Кводнона. Тот гибок и силен, его тонкое лицо исполнено нервной красотой мысли, но последнее время с ним что-то происходит. Половина лица становится менее подвижной. Кожа обвисает, точно мумифицируется, и это страшно вдвойне, потому что другая половина лица остается такой же прекрасной, как тогда в Эдеме, когда многие пошли за ним, пораженные невероятной красотой, которой полыхало это озаренное светом вдохновенное лицо. Тогда они подумали, что это свет самого Кводнона. Но он оказался лишь отблеском.

— Разве мы не ушли все вместе? Разве это не было нашим общим решением? Разве мы не собира-

емся проложить СВОЙ ПУТЬ? — спрашивал Кводнон медленно и страшно.

— Да, — эхом откликнулся Арей. — Свой путь!

Он не кривил душой. Он действительно собирался прокладывать свой путь. Только не понимал, почему должен прокладывать его с такими, как Лигул.

Сейчас, на камне над рекой, Лигул топтался рядом с Ареем. Пытался заглянуть ему в лицо, но Арей стоял на краю утеса, и забежать вперед Лигул никак не мог. Да еще эти раскинутые крылья! Арей скрыт за ними как за щитом.

— Что ты тут делаешь? — нетерпеливо повторил Лигул.

— Стою, — ответил Арей, по-прежнему глядя лишь на воду.

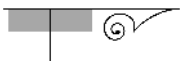
— И все?

— А что ты хочешь, чтобы я делал?

Лигул некоторое время ждал продолжения, но, увы, продолжения не было. Арей старался отвечать кратко, потому что Лигул даже из одного слова мог вылепить невесть какие конструкции лжи.

«Арей стоит! — скажет он Кводнону. — Арей, ты признаешь, что ты стоял? Я ведь не искажаю факты? А ведь обычно ты такой деятельный! Когда деятельные люди стоят, они что-то задумывают, не так ли? Расскажи нам с Кводноном, что ты задумал! Может, тебя что-то тревожит? Мы же друзья!»

Арей, конечно, что-то прорычит. Он не считает Лигула другом, да и Кводнона теперь тоже. Но говорить об этом нельзя. Лигул сразу зацокает язычком. Его маленькое личико выразит искреннее огорчение.

«Ты злишься, Арей? Почему? Ты нам не доверяешь? Может, объяснишь почему?»

Но сейчас всю эту цепочку было не раскрутить. Арей просто молчал, и Лигула это выводило из себя.

— Значит, крылышки сушишь? — невинно спросил он.

Голос у него был дружеский, участливый. Но Арея этим было не обмануть. Он понимал зависть Лигула. У Лигула крылья отпали одним из первых. Облетели как осенние листья. Некоторое время на лопатках еще сохранялись култыпки, похожие на присохшие к ветке черенки скелетированных листьев. Все ждали, пока они исчезнут, но култыпки почему-то не исчезали. Напротив, они укорачивались, толстели, сливались со спиной и при каждом шаге вздрагивали, как подушки жира. Арея уже понятно было, что со временем жир слежится и образует горб.

— Да, — ответил Арей. — Сушу. Ты как всегда наблюдателен.

Иронией Лигула не прошибить. Он и иронию умеет использовать во вред. Главное, что Арей заговорил. Неуязвимо только молчание. Когда же Арей говорит, всегда можно найти лазеечку для змеиного жала.

— Да, — мягко согласился Лигул. — Наблюдательности у меня не отнять. Я замечаю... только не обижайся... ты стал летать как-то хуже... Нет, все так же быстро, я не спорю... Но что-то стало пропадать. Какая-то, знаешь, легкость полета! Раньше ты летал как мастер, а сейчас — как умелый ученик... Да и перья, знаешь, какие-то ломкие стали. Вот еще одно выпало. Ай-ай!

Лигул наклонился и, подняв с камня крохотное перышко, смиренно протянул его Арею. Двумя пальчиками протянул. Мизинец с длинным аккуратным ноготком предупредительно отставлен. Арей покоился на перо. Да, сомнений нет. Это действительно перо из его крыла. Не птичье, не какое-нибудь еще. Его перо.

— Спасибо! — сказал Арей.

Лигул вздрогнул точно от удара и едва не упал в реку. Арей еще мог говорить «спасибо», Лигул и Кводнон уже давно нет.

— И кого ты благодаришь? — завопил Лигул в ужасе. — Кого?!

— Тебя, — сказал Арей. — Перышко вот ты мне нашел! Я и сказал «спа...».

— НЕ-ЕТ! — Лигул попятился. — Ты безумец! Ты еще на что-то надеешься! Надо гадить Ему, гадить!.. Отомстить Ему надо!

— За что? — спросил Арей. — Разве у нас что-то отняли, когда мы ушли из Эдема? Он был к нам великодушен.

— Ничего не отняли?! — зашипел Лигул. — Ничего? А мои крылья? А лицо у Кводнона? А маголодии?

— Никогда не любил играть на флейте, — сказал Арей без сожаления.

— Твой свет нам ничего больше не дает! Вообще ничего! Мы тратим только то, что у нас есть!.. Живем на старых запасах! А что потом? Что будет, когда они исчерпаются?

— Ну, это уже не Его вина. А ты как хотел? Обрубить все связи и что-то продолжать получать?.. Не думай, что я сожалею о своем уходе. Я ни о чем

не сожалею. Но все же тут что-то одно: или плевать в колодец, или пить из него воду.

Бровки Лигула на мгновение вскинулись, и Арей ошибочно понял, что его фразу запомнили и сегодня же передадут Кводнону. Эх, Лигул, Лигул! А ведь когда-то и ты был светлым стражем и плакал порой от радости и восторга, целуя лепестки цветов! А какой у тебя был почерк! Лучший в Эдеме! Каждая буква прекрасна, как готический замок! А завитушки, а переходы между буквами, а рисованные элементы! Если твоим полетом, Лигул, никто никогда не наслаждался, ибо летал ты как сброшенный с горы пингвин, то смотреть, как ты пишешь, собирался весь Эдем!

— Конечно, побежишь сейчас к Кводнону? Опять у меня будут неприятности, — сказал Арей.

Лигул едва не облизнулся от удовольствия. Он обожал комбинации, когда кто-то просил его чего-то не делать. Такая просьба создает страх, а страх порождает зависимость. Лигул же обожал, когда кто-то от него зависим.

— А что? Советуешь промолчать? — спросил он вкрадчиво.

— Да нет. Почему? Говори, конечно... — зевнул Арей, быстро заступая Лигулу за спину, чтобы преградить путь к отступлению. Теперь тот, не имея крыльев, никак не покинул бы утес.

Лигул пугливо оглянулся. Внизу плескала и ревела вода.

— Жарко сегодня. Не купался еще? — невинно спросил Арей.

— Нет! — взвизгнул Лигул. — Не делай этого! Я не умею плавать! Ты пожалеешь!